

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ
INTERNATIONAL RELATIONS OF RUSSIA

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-31-43>
EDN: AVAWJU

Научная статья / Research article

**Отслеживание Российской империей турецко-казахских
и джунгаро-калмыцких дипломатических связей
и противодействие им в 30–40-е годы XVIII века**

Степан Викторович Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

✉ kaf_rushistory@ospu.su

Аннотация: Одним из последствий вхождения в состав России казахских жузов и Калмыцкого ханства должен был стать отказ их правителей от самостоятельной внешней политики. Главным образом это требование относилось к отказу от дипломатических сношений с Османской империей и Джунгарским ханством. Основываясь на материалах Объединенного государственного архива Оренбургской области и опубликованных документах, автор рассматривает поступавшие в Коллегию иностранных дел свидетельства таких связей и реакцию на них российских властей. Из их анализа следует вывод, что запрет на дипломатические сношения казахские и калмыцкие правители старались обходить, пользуясь открытостью степных границ и недостаточными военно-административными ресурсами пограничных губерний России. Положение осложнялось стремлением Джунгарского ханства возбуждать сепаратистские настроения среди степных народов, близких им по языку или образу жизни. Объективным препятствием для турецко-казахского и джунгаро-калмыцкого сближения нередко служили конфликты между казахами и калмыками. Поводом для раздоров обычно становились инициированные одной из сторон угоны лошадей, скота или захват пленных. В то же время представители калмыцкой и казахской элит могли успешно взаимодействовать, когда этого требовали взаимные интересы. Примером такого взаимодействия в первой половине 1740-х гг. стала посредническая миссия казахских правителей по установлению контактов калмыцкой ханши Дарма-Балы с ее джунгарскими родственниками. В целом, в 30–40-е гг. XVIII в. Коллегии иностранных дел и исполнявшим ее указания астраханским и оренбургским губернаторам удавалось находить способы отслеживания и противодействия турецко-казахским и джунгаро-калмыцким дипломатическим связям.

Ключевые слова: Джунгария, южный фронт, восточная политика России, народы Северного Прикаспия, хан Абулхаир

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Джунджузов С.В. Отслеживание Российской империей турецко-казахских и джунгаро-калмыцких дипломатических связей и противодействие им в 30–40-е годы XVIII века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 31–43. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-31-43>

© Джунджузов С.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russian Empire's Monitoring of Turkish-Kazakh and Dzungar-Kalmyk Diplomatic Relations and It's Methods of Countering Them in the 1730–1740s

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

✉ kaf_rushistory@ospu.su

Abstract: One of the consequences of Kazakh zhuzes' and the Kalmyk Khanate's joining Russia was supposedly their rulers' abandonment of independent foreign policy. This demand was mainly referred to the abandonment of diplomatic relations with the Ottoman Empire and the Dzungar Khanate. Based on the materials of the Joint State Archive of Orenburg Region and published documents, the author examines the evidence of such connections received by the Collegium of Foreign Affairs and the reaction of the Russian authorities to them. Their analysis shows that the Kazakh and Kalmyk rulers tried to circumvent the ban on diplomatic relations taking advantage of the openness of the steppe borders and insufficient military and administrative resources of Russia's border provinces. The situation was complicated by the desire of the Dzungar Khanate to stir up separatist sentiments among the steppe peoples close to them in terms of the language or way of life. An objective obstacle to the Turkish-Kazakh and Dzungar-Kalmyk rapprochement was conflicts between Kazakhs and Kalmyks. The reason for the strife was usually theft of horses, cattle or the capture of prisoners initiated by each of the parties. At the same time, representatives of the Kalmyk and Kazakh elites could successfully interact when mutual interests required it, and an example of such interaction in the first half of the 1740s was the mediating mission of the Kazakh rulers to establish contacts between Kalmyk khan's wife Darma-Bala and her Dzungarian relatives. In general, during the 1730–1740s, the Collegium of Foreign Affairs and the Astrakhan and Orenburg governors who carried out its instructions managed to find ways to monitor and counteract Turkish-Kazakh and Dzungarian-Kalmyk diplomatic relations.

Keywords: Dzungaria, diplomatic Kazakh zhuzes, Collegium of Foreign Affairs, politics, opposition, the Russian Empire

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Dzhundzhuzov, S.V. "Russian Empire's Monitoring of Turkish-Kazakh and Dzungar-Kalmyk Diplomatic Relations and It's Methods of Countering Them in the 1730–1740s." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (February 2025): 31–43 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-31-43>

Введение

Актуальность. Во второй четверти XVIII в. юго-восточное направление внешней политики Российской империи было ориентировано на обеспечение безопасности ее степных подданных и противодействие антироссийскому влиянию со стороны соседних региональных держав.

Одним из последствий вхождения в состав России Младшего (1731 г.) и Среднего (1740 г.) казахских (киргиз-кайсацких) жузов, а ранее Калмыцкого ханства должен был стать отказ их правителей от самостоятельной внешней политики. Главным образом это требование относилось к отказу от дипломатических сношений с Османской империей и Джунгарским ханством. С Турцией и ее вассалами – крымскими и кубанскими татарами (ногайцами) казахский народ связывала принадлежность к тюркской языковой группе и исповедание ислама. Калмыков джунгарские правители и вовсе рассматривали как часть своего народа, откочевавшего в волжско-уральские степи.

Степень изученности проблемы. В исторической литературе наиболее полно и последовательно представлена история российско-казахстанских отношений¹,

¹ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960; Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971; Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы, 2007; Васильев Д.В. Вступление

а также отношения России, правителей казахских жузов и Калмыцкого ханства с соседними центральноазиатскими странами и народами в XVIII в.² Противодействие Российской империи турецко-казахским дипломатическим связям анализируется в работах Ж.Б. Кундакбаевой, И.В. Торопицына³.

Дипломатические контакты между представителями властных элит Джунгарского и Калмыцкого ханств в рассматриваемый период также не обойдены вниманием историков. Российскими исследователями они рассматриваются в контексте политической борьбы в Калмыцком ханстве. Прослеживается активная подстрекательская деятельность вдовы хана Аюки, Дарма-Балы, намеревавшейся с частью улусов уйти в Джунгарию⁴. Б.У. Китинов обращает внимание на коллективную память ойратов, обеспечивавшую сохранение их этнической идентичности. В качестве примера автор ссылается на политику джунгарского хунтайджи Галдан-Церена, который в начале 1740 г. в письме к калмыцкому хану Дондук-Омбо напоминал об их общей ойратской истории⁵.

Цель исследования – определить степень успешности деятельности российских имперских властей по отслеживанию турецко-казахских и джунгаро-калмыцких дипломатических связей и противодействие им в 30–40-е гг. XVIII в. Ранее оба этих направления российской политики изучались обособленно.

Источниковая база. Значительный массив документов, характеризующих политическую обстановку в Казахской степи и в сопредельных с ней странах в XVIII в., отложился в фондах Оренбургской комиссии (экспедиции) (Ф. 1, 2) и Оренбургской губернской канцелярии (Ф. 3) Объединенного государственного архива Оренбургской области. Собрание документов внешнеполитической направленности оказалось в Оренбургском архиве не случайно. В обязанности начальников Оренбургской экспедиции (комиссии), а затем и губернаторов входило не только административное управление обширным Оренбургским краем, но и представительская миссия по выстраиванию дипломатических отношений с казахскими правителями, а при необходимости и с их соседями: джунгарами, калмыками, каракалпаками, туркменами и другими.

Сношения с правителями Калмыцкого ханства находились в непосредственном ведении астраханских губернаторов. А так как оренбургским, как и астраханским губернаторам постоянно приходилось выступать посредниками в разрешении конфликтов между калмыками и казахами, копии документов «по калмыцким делам» также поступали в Оренбургскую губернскую канцелярию.

казахов в подданство Российской империи как результат региональной дипломатии // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки, 2015. № 2. С. 123–128. EDN: UCOMOR; *Болдырева О.Н.* Калмыцкое ханство в восточной политике России с начала XVIII в. и до 1771 г. // Наука и современность. 2016. № 1. С. 256–269. DOI: 10.17117/ns.2016.01.256. EDN: WYGTSZ

² *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи в XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с. ISBN: 5-628-00769-2. EDN: VMQFBU; *Кундакбаева Ж.Б.* «Знаком милости Е.И.В...»: Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.; СПб., 2005; *Гуломов Х.Г.* Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII – первой половине XIX века. Ташкент, 2005.

³ *Кундакбаева Ж.Б.* «Знаком милости...»; *Торопицын И.В.* 1) Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: Джангар, 2009. С. 345–346. EDN: TIQCYZ; 2) Несостоявшийся альянс: казахско-крымские отношения и политика России во второй четверти XVIII в. // Тюркоязычный сборник 2013–2014. Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного. М., 2016. С. 307–319.

⁴ *Куратов А.А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань, 2018. С. 217; *Торопицын И.В.* Ханша Дарма-Бала – сторонник воссоединения калмыков с Джунгарией // *Desertum Magnum: studia historica.* 2020. № 1. С. 5–11.

⁵ *Китинов Б.У.* Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.). Дис. ... док. ист. наук. М., 2020. С. 401–402.

Меж трех империй: «дипломатическое лавирование» хана Абулхаира

Принятие Младшего жуза в российское подданство не привело к существенным изменениям в отношениях между ханом Абулхаиром и оппозиционно настроенной казахской знатью. Абулхаир надеялся, опираясь на авторитет и военную мощь Российской державы, установить единоличное и наследственное правление над всем казахским народом⁶. При этом ни сам хан, ни многочисленная казахская знать в лице султанов и батыров вовсе не желали в угоду российским интересам отказываться от суверенных прав в выстраивании отношений с соседними народами и их правителями. Ежегодно из приграничных с Казахской степью российских губерний в Коллегию иностранных дел поступали донесения о «воровских» поступках «ветреных» казахских кочевников, а именно: ограблении торговых караванов, нападении на жилища и кочевья русских подданных (казаков, башкир, калмыков). Набеги на последних могли рассматриваться как содействие Османской империи и ее союзникам, с которыми Россия воевала в 1735–1739 гг.

В ходе военных кампаний калмыцкие конники самостоятельно и совместно с донскими казаками нанесли ряд существенных поражений противникам на Северном Кавказе и в Крыму, содействовали овладению русскими войсками Азовской крепостью⁷. Однако опустошительные набеги казахов на калмыцкие улусы заставляли калмыцких военачальников прерывать походы и возвращаться в родные степи. Наместник калмыцкого ханства Дондук-Омбо требовал от российского правительства принятия энергичных мер к возвращению пленных и возмещению понесенного ущерба. Калмыцкий правитель напоминал, что война с Османской империей еще не закончилась и, если его требования не будут удовлетворены, то он откажется от участия в новом походе на Кубань⁸.

Тогда же, в 1737 г., в Петербурге было получено известие, что крымский хан рассчитывает заключить с Абулхаир-ханом военный союз. Плененный у Черного Яра казах Ченга, пришедший в январе того же года на Волгу с Телеп-батыром для нападения на калмыцкие улусы, рассказал, что двумя месяцами ранее к хану Абулхаиру приезжало посольство от крымского хана в составе десяти человек. Крымцы просили правителя Младшего жуза направить к ним свое войско. Для какой цели понадобилось крымским татарам казахское войско, пленник не сообщил, но зато заметил, что «по просьбе крымского хана хотел де хан их дать войско, а какое число не знает»⁹.

Следующий дипломатический контакт представителей Абулхаир-хана теперь уже с послами самого турецкого султана был зафиксирован в ноябре 1741 г. в Петербурге. По этому случаю в Коллегии иностранных дел была составлена «Записка выговору, каков имеет учинен быть при поступке Киргиз-кайсацкой меньшей орды Абулхаир хана посланцам Кутыр батыру и Бабеку». Хану сообщалось, что российскому правительству стало известно о посещении его посланцами квартиры турецкого посла, где они якобы заявили о желании «быть со всей своей ордой в подданстве султана турецкого». Такое поведение казахских дипломатов было расценено как нарушение присяги на подданство. В «Записке» выражалась уверенность, что

⁶ Васильев Д.В. Вступление казахов в подданство Российской империи как результат региональной дипломатии... С. 125.

⁷ Батырев В.В. Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокovedные исследования в Калмыкии. Элиста, 2006. С. 27–34.

⁸ Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 39 об. – 40 об.

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 19 об.

Абулхаир и старшины «довольно ведают, из того, их народу пользы быть не может». Абулхаиру давалось понять, что императрица ему по-прежнему доверяет и в его власти определиться с наказанием для своих посланцев за их «придерзностный» поступок. Однако в ознаменование своего восшествия на российский престол Елизавета Петровна повелела не только не наказывать казахских дипломатов, но и отпустить их с подобающим вознаграждением¹⁰.

Казахские старшины были осведомлены о ходе русско-турецкой войны и непростых отношениях России с Османской империей после ее окончания. Некоторым «дипломатическим лукавством» выглядят слова Нуралы-султана, который 22 августа 1740 г., во время переговоров с генерал-лейтенантом князем В.А. Урусовым, заметил:

Мы-де, как дикие тарпаны <...> про турецкое войско, как оно сильно и многолюдно, подлинно ничего не знаем¹¹.

Тогда же Джанбек-батыр поинтересовался судьбой Азова, спросив, к какому государству теперь принадлежит этот город. Однако Нуралы-султан признал, что они осведомлены о заключении вечного мира между двумя империями. Последнее обстоятельство произвело большое впечатление в Казахской степи. Отдавая должное силе Русской армии, султан заверил В.А. Урусова в том, что «ежели б-де указом е. и. в. повелено было и нам служить против ея неприятелей, то-де и мы готовы¹².

Сам Абулхаир-хан в письмах, адресованных высокопоставленным российским чиновникам, ставил себе в заслугу добровольный выбор российской короны, предпочтя ее переходу в подданство могущественных мусульманских держав – Османской империи или Персии. Так в письме, доставленном в Оренбург 2 июля 1745 г., он напомнил оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву что «между ними есть <...> еще турецкий мусульманский султан». Столь откровенный «дипломатический выпад» казахского хана объяснялся неприязненным отношением лично к Неплюеву и невыполненными, по его мнению, обещаниями, данными российской стороной. Абулхаир считал, что оренбургский губернатор его обманывает и вводит в заблуждение правительство:

когда вы сами пожелаете, то указ имеете, а не пожелаете, то говорили якобы указу нет и, думаю так, что всякое позволение у вас имеется¹³.

Хан пребывал в уверенности, что город Оренбург был построен для него и его народа. У И.И. Неплюева имелся об этом высочайший указ, который он скрывал и принимал хана и его послов, когда желал выразить гостям почтение. Даже пребывание в России в качестве аманата своего сына Кожакмет-султана он приписывал интригам Неплюева при царском дворе¹⁴.

У казахов Младшего и Среднего жузов, очевидно, имелись сомнения, что Российская империя в полной мере сможет выполнить взятое на себя обязательство защитить их как своих подданных от джунгарской агрессии. В 1733 г. джунгары уже подчинили себе Старший жуз, и его старшины ежегодно отправляли к джунгарскому хунтайджи своих аманатов. После разорительного джунгарского нашествия

¹⁰ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 40 об. – 41.

¹¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. С. 138.

¹² Там же. С. 138.

¹³ ОГАОО. Ф. 3. Оп.1. Д. 8. Л. 208–209.

¹⁴ Там же.

ствия, случившегося в 1741 г., на посылку аманатов в Джунгарию согласились и правители Среднего жуза – Абулмамбет и Кушук. Двойственную позицию в отношении джунгарского подданства занял Абулхаир. Хан сам рассказал Д. Гладышеву о приезде в его ставку джунгарских послов и требовании Голдан-Цэрена отправить к нему в аманаты ханского сына и детей знатных старшин. В ответ якобы Абулхаир заявил, что без согласия России он это требование выполнить не может. Усомниться в искренности хана позволяет свидетельство, полученное 10 января 1742 г. от посланника джунгарского правителя зайсанга Кошку к Абулхаир-хану. Выяснилось, что еще в 1740 г. правитель Младшего жуза сам присылал к Голдан-Церену своих послов во главе с батыром Кутлумбетом и просил в обмен на подданство и содержание в аманатах ханского сына передать ему в управление города Туркестан и Ташкент¹⁵.

Дипломатические демарши хана Абулхаира получили неоднозначную оценку в литературе. В.Я. Басин придерживался мнения, что казахский хан, заигрывая с Россией и Джунгарией, «рассчитывал путем обещаний и посул как России, так и Джунгарии извлечь для себя побольше выгод»¹⁶. И.В. Ерофеева считает, что, ведя двойную игру, хан Абулхаир заставил русское правительство осознать, что «пассивность в вопросе развития военной экспансии Джунгарского ханства в направлении казахских жузов таит в себе немалую опасность для геостратегических интересов российской короны в регионе». В перспективе объединение Джунгарии с казахскими жузами могло привести к образованию мощной кочевой державы – некой новой «Золотой орды». В результате России пришлось отказаться от прежней тактики стороннего наблюдателя военных действий между казахами и их юго-восточными соседями и решительно вмешаться в казахско-ойратские отношения¹⁷.

В инструкциях пограничным командирам предписывалось в случае нападения джунгар допускать расположение казахских улусов вблизи русских крепостей. Но к изнурительной степной войне Россия не была готова и предпочитала действовать дипломатическими средствами. В 1742 г. в Джунгарию из Оренбурга было отправлено специальное посольство во главе с майором К. Миллером. Итогом этой дипломатической миссии стало освобождение из джунгарского плена 35 казахских султанов, в том числе султана Абылая, провозглашенного в 1771 г. ханом¹⁸.

В 1740-е гг. от информаторов в Казахской степи и от калмыцких правителей в Петербург начали поступать тревожные слухи, которые вполне могли распространяться и самими казахскими старшинами, о возможном откочевании казахов на Кубань. Об этом, в частности, поручику Д. Гладышеву, осенью 1741 г. отправленному с посольством в Казахскую степь, сообщил батыр Мунияк. Донесения о задержании казахских посланников на Кубань поступали и из Калмыцкого ханства¹⁹. В 1740 г. калмыцкий хан Дондук-Омбо уведомил начальника Оренбургской комиссии генерал-лейтенанта Урусова о том, что «киргизцы случая ищут, чтоб возможно им с ордами Кубани достигнуть»²⁰.

Непосредственное подтверждение этих слухов было получено весной 1742 г., когда наместник калмыцкого ханства Дондук-Даши передал астраханским властям привезенного кубанскими посланцами казаха Доспула Ишимбетова. Выяснилось, что он был одним из двух порученцев казахских султанов, отправленных в Крым

¹⁵ Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв... С. 165–166.

¹⁶ Там же. С. 166.

¹⁷ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир – полководец, правитель, политик... С. 339.

¹⁸ Моисеев В.А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 34–36.

¹⁹ Басин В.Я. Россия и казахские ханства... С. 168.

²⁰ Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. 1938. № 2. С. 137.

еще в 1738 г. Спустя два года Ишимбетову удалось добраться до Крыма и добиться аудиенции у крымского хана. Из разговоров с кубанскими татарами посланец Дондук-Даши, калмык Тебежик узнал, что Ишимбетову было поручено уговорить крымского хана совершить нападение на калмыцкие улусы. Война Крыма с калмыками облегчила бы объединение казахов с кубанцами. Намерение казахских султанов расстроил кубанский сераскер Салим-Гирей, не пожелавший видеть казахов в своих владениях²¹.

На основании представленных в Коллегию иностранных дел донесений Астраханской губернской канцелярии вменялось в обязанность не пропускать казахов «на Кубань и с Кубани в кайсаки ни под каким видом»²².

«Всячески препятствовать, а по возможности задерживать посланников и курьеров, перевозящих корреспонденцию из Джунгарии в ставку калмыцкого хана и обратно»

Однако если возможное переселение казахов на Кубань по большей части носило гипотетический характер, то переход значительной массы калмыков в пределы Джунгарского ханства, случившийся в 1701 г., вполне мог повториться, и, как известно, повторился семьдесят лет спустя в куда более значительном масштабе. Тогда же, в 1701 г., сын Аюки-хана Санджаб, поссорившись с отцом, с 15 тыс. кибитками калмыков торгоутов ушел в Джунгарию. Джунгарский правитель хунтайджи Цэван-Рабдан повелел распределить пришельцев по своим улусам, а самого Санджаба с семьей его калмыками отпустил обратно к Аюке-хану²³. В Джунгарском ханстве переселившиеся с Волги калмыки подверглись дискриминации. В.А. Моисеев отмечает, что их нещадно эксплуатировали и угнетали, решавшихся на побег, ловили и наказывали клеймением²⁴. В первой половине XVIII в. имели место и обратные примеры, когда конфликтовавшие с правителем Джунгарского ханства владельцы и зайсанги уходили со своими улусами на Волгу. Так, в 1727 г. в Калмыцкое ханство вынужден был бежать Лоузан-Шоно, обвинявшийся наследником джунгарского престола в убийстве хунтайджи Цэван-Рабдана²⁵.

В Петербурге джунгарско-калмыцкие дипломатические контакты отслеживали с особой тщательностью и внимательно анализировали в Коллегии иностранных дел. Подробная информация об их обнаружении и необходимые по такому случаю инструкции в обязательном порядке поступали в Астраханскую и Оренбургскую губернские канцелярии.

Российское правительство и военные администрации юго-восточных губерний прикладывали немало усилий для пресечения каналов связи между Джунгарским и Калмыцким ханствами. Одно из таких посольств, направлявшееся к возведенному Анной Иоанновной в ханское достоинство Дондук-Омбо, было задержано в Самаре в августе 1741 г. Хунтайджи Голдан-Цэрен призывал калмыцкого хана забыть «прежние ссоры и раздоры» между торгоутами и джунгарами, обменяться посольствами и жить в согласии²⁶.

²¹ *Торопицын И.В.* Несостоявшийся альянс... С. 313–314.

²² Казахско-русские отношения... С. 195.

²³ *Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: 1 Калмыцкое книжное издательство, 995. С. 28. ISBN: 5-7539-0274-X. EDN: WLKINV

²⁴ *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи... С. 62.

²⁵ Там же. С. 80.

²⁶ *Болдырева О.Н.* Н.Н. Пальмов о роли Калмыцкого ханства в восточной политике России в XVIII веке // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 4. С. 14–20. EDN: RBAGQT

Калмыцко-джунгарские дипломатические контакты активизировались после назначения Дондук-Даши наместником Калмыцкого ханства. В марте 1742 г. он встречался и вел переговоры с послами Голдан-Цэрена. Джунгары пытались склонить наместника к заключению военно-политического союза против Китая. При обмене мнением поднимался и религиозный вопрос. Джунгарские послы заострили внимание на болезненной для калмыков проблеме – возможности совершать паломничества к Далай-ламе, чем без всяких препятствий пользовались жители их страны. Однако, как отмечает А. А. Курапов, Дондук-Даши отнесся крайне прохладно к предложениям джунгарских послов с учетом интересов России, опасавшейся обострения отношений с Китаем²⁷.

В 1745 г. Дондук-Даши вновь представилась возможность продемонстрировать преданность российской короне. Им были задержаны и переданы полковнику Н.Г. Спицыну два казаха-томуа Джемебет и Узенбай с письмами и подарками к вдове Аюки-хана, ханше Дарма-Бале.

Российским правительством Дарма-Бала рассматривалась как сторонница джунгарской ориентации. Она приходилась двоюродной сестрой джунгарскому хунтайджи (титул правителя Джунгарии. – С.Д.) Цэван-Рабдану. По мнению А.В. Цюрюмова, Дарма-Бала могла быть причастной к откочевке в 1701 г. в Джунгарию группировки волжских калмыков²⁸. После смерти хана Аюки в 1724 г. Дарма-Бала активно вмешивалась в борьбу его сыновей и внуков за ханский престол, выступала против вмешательства царского правительства в порядок престолонаследия. Ее авторитет был настолько высок, что Намки-гелюн, занимавший вторую ступень после Шакур-ламы в иерархии буддийского духовенства, осмелился предложить астраханскому губернатору передать верховную власть над калмыцким народом ханской вдове²⁹. В 1741 г., после смерти Дондук-Омбо, вдовствующая ханша вновь попыталась вмешаться в борьбу за престолонаследие и добиться возведения в ханское достоинство своего второго сына Галдан-Данджина. Однако в том же году он был убит в сражении против сторонников вдовы Дондук-Омбо ханши Джан³⁰.

В инструкции, составленной в Коллегии иностранных дел для назначенного 19 июля 1745 г. к управлению калмыцкими делами генерал-лейтенанта Д.Ф. Еропкина, о Дарма-Бале говорилось, что после смерти мужа она состояла в переписке с хунтайджи и просила «оного о приеме улусов калмыцких к себе в зюнгорский народ». К переходу в джунгарское подданство Дарма-Бала склоняла и калмыцких владельцев. Однако астраханскому губернатору А.П. Вольнскому при посредничестве Шакур-ламы удалось раскрыть и прекратить подстрекательскую деятельность вдовствующей ханши³¹.

Свидетельством неблагонадежности Дарма-Балы могло служить перехваченное письмо ее родного брата Гумунг-ламы, который возглавлял буддийское духовенство Джунгарии и являлся ближайшим сподвижником Галдан-Цэрена³². Гумунг призывал сестру довериться Галдан-Цэрену, ссылавшемуся при присяге на «Желтый закон и прежнюю четырех ойратов власть». Джунгарский правитель имел

²⁷ Курапов А.А. Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань, 2018. С. 215.

²⁸ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста, 2007. С. 150.

²⁹ Цюрюмов А.В. Начальный этап династийной войны в Калмыцком ханстве в 20–30-е гг. XVIII в. // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40. С. 54–61. EDN: YSHOMX

³⁰ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 185.

³¹ Там же. Л. 184 об.

³² Курапов А.А. Российское государство и буддийская церковь... С. 216.

в виду буддийское вероисповедание и средневековую конфедерацию, объединявшую хошуты, торгоуты, дербетов и элэтов (джунгаров)³³, живших всегда «союзно и любовно»³⁴. К Дарма-Бале лама обращался не только как родственник («я тебя только одну мою меньшую сестру имею»), но и как духовный наставник:

... совет тебе представляю, что лучше умереть, нежели от закона своего отступить и учиниться россиянином. И может быть, ты сим моим словам не поверишь и признавать будешь оные за ложь, но я, будучи [буддийским. – С.Д.] иереем, ложно говорить не могу³⁵.

Второе письмо к Дарма-Бале было написано от имени казахского хана Абулхаира. По свидетельству Дондук-Даши, казахский хан пытался убедить вдовствующую ханшу, что сын ее Галдан-Данжин жив и содержится при императорском дворе в Петербурге. Во время допроса, проведенного в ставке наместника Калмыцкого ханства, Джемембет показал, что послан он своим господином Абылай-султаном с письмами к ханше Дарма-Бале и вручить должен он их был «от россиян и калмык секретно». От имени брата в подтверждение письма ему было велено призвать, чтобы «она веры своей не оставляла и не забывала своего бога. Лучше смерть, нежели русский закон принять». Если же ханша все-таки решится на переход в Джунгарию, то через того же Джемембета она должна была сообщить о том Абылай-Султану. Абылай, в свою очередь, обязался собрать войско, приблизиться к калмыцким улусам и принять Дарма-Балу. А вот о том, одна ли должна будет уходить ханская вдова или Абылай-султан станет «подзывать» ее со всем улусом, Джемембет определенно ответить не смог³⁶.

Патриарх научного калмыковедения Н.Н. Пальмов ссору между Дондук-Даши и Дарма-Балой объяснял разницей подходов в определении союзников Калмыцкого государства и будущей судьбы калмыцкого народа. Ханша желала увести калмыков в Джунгарию, наместник Калмыцкого ханства строил планы совместных с Абулхаир-ханом военных действий в Средней Азии против персидского шаха Надира³⁷. Установление контактов Дарма-Балы с казахскими правителями за спиной Дондук-Даши могло означать заинтересованность последних в оставлении калмыками Нижнего Поволжья. В таком случае казахи могли рассчитывать на беспрепятственное взаимодействие со своими потенциальными союзниками крымскими и кубанскими татарами и на поддержку турецкого султана, а в случае джунгарской агрессии или конфликта с Российской империей – откочевать на Кубань.

В сложившейся ситуации Дондук-Даши решил обратиться за поддержкой к императрице Елизавете Петровне и добиться от нее указа о высылке за пределы Калмыцкого ханства Дарма-Балы. Он поставил задачу посорить хана Абулхаира и Абылай-султана с царским двором и дискредитировать астраханского губернатора В.Н. Татищева. Дондук-Даши старался уверить императрицу в том, что астраханский губернатор покровительствует ханской вдове и распространяет о нем, наместнике, порочащие его ложные слухи.

В письме на высочайшее имя, датированном 12 мая 1745 г., Дондук-Даши обращал внимание императрицы, что «Дарма Бала от природы своей имеет укорененную злобу», а В.Н. Татищев «нарочно ее защищает». Далее калмыцкий правитель ссылается на письмо астраханского губернатора, в котором Татищев открыто подозревает его в подготовке убийства ханши и разорении ее улуса, ставит ему

³³ Санчилов В.П. История Хо-Орлока. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста, 2016. С. 26.

³⁴ Болдырева О.Н. Н.Н. Пальмов о роли Калмыцкого ханства... С. 18.

³⁵ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 176–176 об.

³⁶ Там же. Л. 164–164 об.

³⁷ Болдырева О.Н. Н.Н. Пальмов о роли Калмыцкого ханства... С. 19.

в вину получение взятки за разрешение на продажу персидским купцам калмыцких лошадей. Последнее обстоятельство особенно возмутило Дондук-Даши:

всяк обо мне знает, что я к взяткам не ласков и за деньги дел не делаю, и что я к деньгам не таков как он, и честь мою и меня самого за деньги не променяю³⁸.

Для восстановления справедливости Дондук-Даши решил даже просить императрицу произвести при Высочайшем дворе судебное разбирательство с личным участием В.Н. Татищева и Дарма-Балы. Интересы наместника в судебном процессе должен был представлять его родной брат Яндак. «А будет очная ставка и доказательства не надобны³⁹», – отмечал он.

Сурового наказания, по мнению Дондук-Даши, заслуживали и казахские правители Абулхаир-хан и Абылай-султан. Будучи российскими подданными, они выступили посредниками между Дарма-Балой и ее высокопоставленным джунгарским родственником.

В 1741 г. Абылай-султан попал в плен к джунгарам и пробыл в Джунгарском ханстве два года. По возвращении Абылай сетовал хану Среднего жуза Абулмамету, что никакой помощи ни от него, ни от других казахских владельцев он не получал и никаких усилий к его вызволению из неволи они не предпринимали «так, что хотя б он и день свой тамо окончил». Освобожден же он был исключительно по высочайшему «призрению и милосердию» ее императорского величества Елизаветы Петровны,

за что он, Абылай салтан, во всевозможном к е. и. в. усердии себя объявляет и что он за е. и. в. вечно бога молить должен⁴⁰.

Теперь же из содержания писем и показаний Джемембета выяснилось, что во время пребывания Абылай-султана в джунгарском плену он подружился с братом и племянником ханши Дарма-Балы. Сам Голдан-Цэрен, если верить Абылаю, «почитает его за сына» и отпустил его в Киргиз-кайсацкую орду с награждением. А перед отъездом «джунгарские друзья» попросили Абылай-султана об услуге, «чтоб он ее, ханшу, подозвал к уходу к ним в зюнгоры (Джунгарию. – С.Д.)⁴¹».

В письме к императрице Дондук-Даши ссылался на некий высочайший указ, повелевавший ему совместно с яицкими казаками идти войной на казахов. Но калмыцкое войско губернатор В.Н. Татищев к походу не допустил на том основании, что «помянутые кайсаки состоят в миру». Однако, как неоднократно замечал наместник Калмыцкого ханства, «онные кайсаки крепкого мира содержать не могут»⁴².

В историографии нет единой точки зрения на причины разногласий между Дондук-Даши и В.Н. Татищевым. В спектре предлагаемых объяснений: взаимная неприязнь губернатора и наместника друг к другу (Н.А. Попов); стремление Татищева заставить Дондук-Даши неукоснительно исполнять принятые обязательства и не злоупотреблять властью ради личного обогащения (А.Г. Кузьмин, Я.А. Гордин); ухудшение социально-экономических условий в Калмыцком ханстве и чрезмерное вмешательство в его дела со стороны астраханской администрации (М.М. Батмаев, В.Н. Максимов, А.В. Цюрюмов). В контексте данного исследования особого внимания заслуживает высказанное еще в 20-е гг. XX в. мнение А.К. Лебе-

³⁸ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 172, 175–175 об.

³⁹ Там же. Л. 173 об.

⁴⁰ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках... С. 289.

⁴¹ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 165, 177.

⁴² Там же. Л. 171 об. – 172.

динского и Н.Н. Пальмова о желании наместника Калмыцкого ханства выйти из российского подданства⁴³.

Конфликтная ситуация, сложившаяся в юго-восточном порубежье, обеспокоила Коллегию иностранных дел главным образом с точки зрения внешних вызовов, способных подорвать российское влияние в регионе. А именно:

- ослабление Калмыцкого ханства. Казахские старшины могли воспользоваться этим обстоятельством для нападения на калмыцкие улусы в зимнее время;
- прямые дипломатические контакты между калмыцкими и казахскими владельцами без ведома России могли привести к складыванию казахско-калмыцкого военного союза;
- при содействии казахов калмыки могли откочевать в Джунгарию.

Оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву были даны разъяснения по всем указанным пунктам. Перед уполномоченными чиновниками ставилась задача «удержать» переписку между казахскими и калмыцкими владельцами. Задержанных казахских послов к Дарма-Бале предписывалось после допросов ссылать на жительство в Архангельск. Этим решением российское правительство рассчитывало между «наместником Ханства и киргис кайсацкой старшиной некоторую холодность произвести, и, чтоб впредь другим с такими делами ездить было неповадно»⁴⁴. Саму же возможность военного партнерства между казахами и калмыками «по их древним и непримирительным междоусобным злобам» члены Коллегии сочли маловероятной, но для страховки предписали «иметь пристойную предосторожность»⁴⁵.

Также под сомнение была поставлена возможная откочевка калмыков в Джунгарию самого наместника или кого-либо из владельцев. Ведь калмыцкой знати было известно о самовластии джунгарского правителя⁴⁶. К тому же еще были живы воспоминания об откочевке 1701 г., закончившейся закабалением калмыцких переселенцев джунгарскими феодалами. Учитывался также менталитет кочевого народа. Предполагалось, что если даже казахские ханы и старшины дадут согласие калмыкам на переход через их степи, то рядовые казахи обязательно воспользуются своим численным превосходством для нападения на переселенцев⁴⁷.

Указ завершал предписание пограничным властям иметь предосторожность от возможных прорывов к Волге казахских группировок и к принятию мер по защите калмыцких улусов⁴⁸.

В русле представленных разъяснений были удовлетворены или скорректированы прошения наместника Калмыцкого ханства. «Калмыцкие дела» были переданы в распоряжение генерал-лейтенанта Еропкина. Дарма-Бала отправлена на жительство в Саратов. Река Яик объявлялась границей между казахскими жузами и Калмыцким ханством. Их правителям запрещалось обмениваться посольствами и вступать друг с другом в переписку. Для предосторожности от казахских нападений наместнику было дозволено отправить на Яик 30 наблюдателей и расположить их на форпостах совместно с яицкими казаками⁴⁹.

⁴³ *Торопицын И.В.* Влияние внешнеполитических факторов на судьбу наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши в 1740-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 32–33. EDN: PJOYBV

⁴⁴ ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 161 об.

⁴⁵ Там же. Л. 162.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 162 об.

⁴⁸ Там же. Л. 161–163.

⁴⁹ Там же. Л. 185–187.

Выводы

Изучение юго-восточного направления внешней политики России свидетельствует о том, что вхождение в ее состав Калмыцкого ханства и казахских жузов в рассматриваемый период еще носило формальный и в основном декларативный характер. Достигнутые договоренности часто нарушались «ветренными» кочевниками. Запрет на дипломатические сношения их правители легко обходили, пользуясь открытостью степных границ и недостаточными военно-административными ресурсами пограничных губерний России. Положение осложнялось стремлением Джунгарского ханства возбуждать сепаратистские настроения среди степных народов, близких им по языку или образу жизни.

Объективным препятствием для турецко-казахского и джунгаро-калмыцкого сближения выступали нередко случавшиеся конфликты между казахами и калмыками. Поводом для раздоров обычно становились инициированные одной из сторон угоны лошадей, скота или захват пленных. В свою очередь, и российское правительство старалось поддерживать казахско-калмыцкие отношения в состоянии «холодного мира», не допускать возникновения крупных военных конфликтов между ними и в то же время пресекать любые попытки к их сближению. Для обеспечения своего верховенства Российская империя стремилась поддерживать пророссийски настроенных представителей феодальной знати, «умиротворять», а в случае упорного неповиновения задерживать и наказывать ссылкой сепаратистов. Несомненным достижением российской дипломатии к середине XVIII в. стало восприятие императорских особ их степными подданными в качестве высших арбитров во внутренних спорах и сюзеренов, взявших на себя обязательство обеспечивать им защиту от внешних врагов. В то же время при совпадении интересов представители калмыцкой и казахской элит успешно взаимодействовали. Примером такого взаимодействия в первой половине 1740-х гг. стала посредническая миссия казахских правителей по установлению контактов калмыцкой ханши Дарма-Балы с ее джунгарскими родственниками. В целом, в 30–40-е гг. XVIII в. Коллегии иностранных дел и исполнявшим ее указания астраханским и оренбургским губернаторам удавалось находить способы к отслеживанию и противодействию турецко-казахским и джунгаро-калмыцким дипломатическим связям.

Поступила в редакцию / Submitted: 08.01.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 22.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 01.12.2024

References

- Apollova, N.G. *Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiiei v XVIII – nachale XIX v.* [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the XVIII – early XIX centuries]. Moscow: AN SSSR Publ., 1960 (in Russian).
- Bakunin, V.M. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladeltsev. Sochinenie 1761 goda* [Description of the Kalmyk peoples, and especially the Torgout people, and the deeds of their khans and owners. Composition of 1761]. Elista: Kalmyk book publishing house Publ., 1995 (in Russian).
- Basin, V.Y. *Rossiia i kazahskie khanstva v XVI–XVIII vv.* [Russia and the Kazakh khanates in the XVI–XVIII centuries]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1971 (in Russian).
- Batyrev, V.V. “Uchastie kalmykov v Russko-tureckoi voine 1735–1739 gg [Participation of the Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1735–1739].” *Vostokovednye issledovaniia v Kalmykii*. Elista: Kalmyk book publishing house Publ., 2006 (in Russian).
- Boldyreva, O.N. “N.N. Palmov on the role of the Kalmyk Khanate in the Eastern policy of Russia in the XVIII century.” *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (2018): 14–20 (in Russian).

- Boldyreva, O.N. “The Kalmyk Khanate in the Eastern Policy of Russia since the beginning of the 18th century and until 1771.” *Nauka i sovremennost'*, no. 1 (2016): 56–69 (in Russian).
- Curyumov, A.V. “The initial stage of the dynastic war in the Kalmyk Khanate in the 20–30s. XVIII century.” *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 4 (2018): 54–61 (in Russian).
- Cyuryumov, A.V. *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii* [Kalmyk Khanate within Russia: problems of political relations]. Elista: Dzhangar Publ., 2007 (in Russian).
- Erofeeva, I.V. *Khan Abulkhair: polkovodest, pravitel, politik* [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Daik-Press Publ., 2007 (in Russian).
- Gulomov, H.G. *Diplomaticheskie otnosheniia gosudarstv Srednei Azii s Rossiei v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Diplomatic relations of the states of Central Asia with Russia in the XVIII – first half of the XIX century]. Tashkent: FAN Publ., 2005 (in Russian).
- Kundakbaeva, ZhB. “‘Znakom milosti E.I.V. ...’: Rossiia i narody Severnogo Prikaspiia v XVIII veke” [‘A sign of E.I.V.’s mercy...’: Russia and the peoples of the Northern Caspian in the 18th century]. Moscow; St. Petersburg: AIRO-XXI Publ.; Dmitri Bulanin Publ., 2005 (in Russian).
- Kurapov, A.A. *Rossiiskoe gosudarstvo i buddiiskaia tserkov na iuge Rossii: etapy evolyutsii socialno-politicheskogo vzaimodeistviia v XVII – nachale XX vv.* [The Russian State and the Buddhist Church in the South of Russia: Stages in the evolution of socio-political interaction in the XVII – early XX centuries]. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilevich Publ., 2018 (in Russian).
- Moiseev, V.A. “Dzungar-Kazakh relations in the XVII–XVIII centuries and the policy of Russia.” *Vestnik Evrazii*, no. 2 (2000): 22–43 (in Russian).
- Moiseev, V.A. *Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi v XVII–XVIII vv.* [Dzhungar Khanate and Kazakhs in the XVII–XVIII centuries]. Alma-Ata: Gylym Publ., 1991 (in Russian).
- Sanchirov, VP. *Istoriia Kho-Orloka. Pismennye pamiatniki po istorii oiratov XVII–XVIII vekov* [History of Ho-Orlok. Written monuments on the history of the Oirats of the XVII – XVIII centuries]. Elista: KIGI RAN Publ., 2016 (in Russian).
- Toropicyn, I.V. “The influence of foreign policy factors on the fate of the governor of the Kalmyk Khanate Donduk Dashi in the 1740s.” *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura*, no. 3 (2012): 30–40 (in Russian).
- Toropicyn, I.V. *Nesostoiavshiisia aliians: kazakhsko-krymskie otnosheniia i politika Rossii vo vtoroi chetverti XVIII v.* [Failed alliance: Kazakh-Crimean relations and Russian policy in the second quarter of the XVIII century]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literature Publ., 2016 (in Russian).
- Toropitsyn, I.V. “Oborona kalmytskikh ulusov v 30–40-kh gg. XVIII v [Defense of the Kalmyk uluses in the 30–40s. XVIII century].” In *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii ‘Edinaia Kalmykiia v edinoi Rossii: cherez veka v budushchee, posviashchennoi 400-letiiu dobrovolnogo vkhozheniia kalmytskogo naroda v sostav Rossiiskogo gosudarstva (g. Elista, 13–18 sentiabria 2009 g.)*, 243–246. Elista: Dzhangar Publ., 2009 (in Russian).
- Vasiliev, D.V. “The entry of the Kazakhs into the citizenship of the Russian Empire as a result of regional diplomacy.” *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, no. 2 (2015): 123–128 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Степан Викторович Джунджузов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; Россия, 460844, Оренбург, ул. Советская, 19; kaf_rushistory@ospu.su; <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>; SPIN-код: 7192-3702.

Stepan Victorovich Dzhundzhuzov, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya St., Orenburg, 460844, Russia; kaf_rushistory@ospu.su; <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>; SPIN-code: 7192-3702.